

ЛИНГВИСТИКА

Некоторые особенности естественно-научного и гуманитарно-научного дискурса

© доктор филологических наук А.И. Изотов, 2009

*Посвящается замечательным педагогам
Сергею Владимировичу Кирбятьеву (физика) и
Юрию Николаевичу Минакину (история),
благодаря которым автор настоящих строк
с одинаковым удовольствием читает и
Стивена Фрая, и Стивена Хокинга¹*

Данный текст обязан своим существованием дискуссии, произошедшей у автора настоящих строк с его бывшим школьным учителем физики Сергеем Владимировичем Кирбятьевым в мае этого года на четвертом этаже дома на начинающейся у Эрмитажа Миллионной улице, куда С.В. переехал лет десять назад из Оренбурга, который некогда претендовал на роль третьей столицы Российской империи², а сейчас известен большинству россиян разве что по «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Во время данной дискуссии автор настоящих строк время от времени бывал квалифицируемым как «гуманитарий», что не то чтобы его очень задевало (в конце концов, по паспорту, то есть по ВАКовскому диплому, он гуманитарий и есть), но провоцировало некое подспудное желание возразить. Дело в том, что до поступления на филологический факультет МГУ автор заметки искренне интересовался естественными науками (как теоретически, так и в прикладном плане), результатом чего стали не только испорченная мебель в его детской комнате (следствие неудачной попытки перегонки концентрированной серной кислоты и натриевой селитры для получения концентрированной же азотной кислоты, необходимой для синтеза пироксилина, нитроглице-

¹ Каламбур родился, когда автор заметки осознал, что самыми дорогими книгами, купленными им в последнее время для собственного удовольствия, были «Мир в ореховой скорлупке» С. Хокинга (нельзя было устоять против популярного изложения теории суперструн и концепции мира на бране) и «Стивен Фрай в Америке» (тут уж речь шла об искушении иметь дома краткое описание всех североамериканских Соединенных Штатов, включая Вирджинию, Кентукки, Пенсильванию и Массачусетс, которые формально именуются не «штатами» [state], а «содружествами» [commonwealth]).

² В XIX веке оренбургскому генерал-губернатору были подчинены Урал, Поволжье, Казахстан, а также все присоединенные к империи территории в Средней Азии.

рина и прочих не менее заманчивых для подростка вещей), но и второе место на областной олимпиаде по физике в 1982 году, за что ему был вручен соответствующий диплом и ценный подарок – чернильная авторучка с позолоченным пером и роман Ф.М. Достоевского о князе Мышкине (не исключено, что специфическое чувство юмора организаторов олимпиады также сыграло свою роль в выборе будущей профессии). Желание подытожить дискуссию в свою пользу и породило следующие строки.

По свидетельству ученика А.Н. Колмогорова чл.-корр. РАН А.Н. Ширяева (круглый стол на филологическом факультете МГУ весной 2009 года, посвященный филологическим интересам А.Н. Колмогорова), академик как-то мимоходом заметил, что математик имеет дело с **доказательствами**, а у историка доказательств нет и быть не может, а могут быть только **подтверждения** его гипотезы.

Мы полагаем, что в этих словах крупнейшего отечественного ученого двадцатого столетия отмечено принципиальное различие между естественно-научным и гуманитарно-научным дискурсом. Речь идет не о традиционном делении научных дисциплин на гуманитарные (имеющие дело с человеком), естественные (имеющие дело со всем остальным окружающим миром) и точные (имеющие дело исключительно с самими собой – математика), а об уникальности/неуникальности объекта исследования. На наш взгляд, лингвистический научный дискурс может быть и естественно-научным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой аспект языка изучается. Если нас интересуют **неуникальные** явления (представленные в одном или нескольких языках суффиксы, приставки, синтаксические конструкции и т.д.), речь должна идти о естественно-научном подходе, если же объект исследования **уникален** (история конкретного языка) – о гуманитарно-научном.

Физик имеет дело в основном с неуникальными, повторяемыми объектами исследования. Если у одних атомов урана 235 установлены некие физические свойства, отличающие их от атомов урана 238, то это отличие будет действовать **для всех существующих в природе** атомов урана 235 и атомов урана 238, потому что все атомы одного изотопа **идентичны**. Поэтому физику не нужно вновь и вновь измерять то, что уже было однажды надежно измерено, а математику – доказывать то, что уже было когда-то доказано (разве что на занятиях со студентами в дидактических целях). Ну а уж если кто засомневается, что железо плавится при более высокой температуре, чем стеарин, можно провести эксперимент со спичками, стеариновой свечкой и гвоздями.

Историк же занимается тем, что уже произошло и никогда больше не повторится («нельзя дважды войти в одну реку»). Мы не можем провести эксперимент и доказать истинность или ложность утверждения, что

татаро-монголы, дойдя в 1241 году до Моравии, прервали свое движение на Запад, потому что возглавлявшим поход чингизидам Бату и Гуюку в связи с неожиданной смертью преемника Чингизхана Угэдэя надо было торопиться в Карокорум на выборы нового кагана, а не потому, что монгольская конница была бессильна против неприступных замков Центральной Европы (как принято объяснять чешским школьникам) или потому, что монгольское войско было обескровлено героическим сопротивлением русских княжеств (чему учили в школе автора настоящих строк). В своей опубликованной уже посмертно книге *The Idea of History* (1946), русский перевод которой выходил в серии «Памятники исторической мысли», Робин Джордж Коллингвуд настаивал, что ученый должен подходить к историческим материалам так же, как хороший следователь подходит к свидетельским показаниям – слушает **всех**, однако безоговорочно не верит **никому** (кто-то может ввести в заблуждение по злому умыслу, кто-то по забывчивости, кто-то по незнанию).

Историк, как и следователь, может изменить свое прежнее мнение, однако только тогда, когда свидетельства в пользу новой версии **перевешивают** свидетельства в пользу версии предыдущей. Для того, чтобы авторитетно утверждать, что царь Иоанн Васильевич Грозный был гуманист, за полвека формального правления которого (1533-1584) было казнено всего около трех тысяч человек (для средних веков число весьма умеренное, учитывая, например, что в либеральной Англии лишь в 1823 году была отменена смертная казнь за более чем сто видов нетяжких преступлений типа карманного воровства, см. [The Osborne History of Britain 2008: 243, 289]), явно недостаточно чьего-то сообщения о том, что в те времена на Руси казнить имел право только царь, причем всех казненных царь вносил в поминальный список; нужны еще убедительные свидетельства в пользу того, что число казненных и убитых «незаконно» в разы (в десятки раз, в сотни раз...) не превышало число казненных «законно» (т.е. с занесением в этот самый список).

Физик оперирует доказанными фактами, а историк – данными, истинность/ложность которых установлена с большей/меньшей степенью вероятности, поэтому физику нет нужды по ходу изложения ссылаться на источники этих доказанных фактов (эти факты есть в любом справочнике), а вот историку надо ссылаться на **все** свидетельства, на основании которых он сделал тот или иной (а тем более отличный от традиционного) вывод, чтобы любой его коллега имел возможность самостоятельно оценить корректность сделанного вывода, а в случае необходимости продолжить исследования, добавив к привлеченным свидетельствам собственные. Это важно и потому, что серьезный исследователь учитывает не только **количество** свидетельств в пользу той или иной версии, но и их **качество** (информация, почерпнутая из реномиро-

ванного научного журнала, «весит» больше, чем взятая из «народной» Википедии, и тем более больше, чем (полу)анонимная заметка в Сети, которая может быть и мистификацией профессионала, и «письмом к ученому соседу» пытливого и полного энтузиазма любителя.

Любая, пусть даже красивая теория (а тем более теория «гуманитарного» характера) не может быть просто изложенной, она должна **подтверждаться фактическим материалом**. Например, в самом начале в целом интересной монографии [Стефанский 2008: 4] вскользь упоминается, причем упоминается не в качестве гипотезы, а в качестве объективного знания, полученного когда-то в студенческой аудитории, что «чудо может совершить только чужой, то есть наделенный магической силой пришелец из мира мертвых» и что это понимание гораздо важнее объяснения, что «чудо и чужой – однокоренные слова, возникшие в результате действия определенных фонетических законов».

Но *чудо* и *чужой* **не** однокоренные слова! В слове *чудо* восстанавливается праславянский корень *keud-, а в слове *чужой* – корень *teudj-, так что эти слова **могут выглядеть** как однокоренные **только** в восточнославянских языках (во всех остальных диалектах праславянского языка, то есть в диалектах, легших в основу южнославянских и западнославянских языков «в результате действия определенных фонетических законов» рефлексy *kj < *k[eu] и *tj < t[eu] **не совпали**). *Чудеса* творит не *чужой*, а *кудесник*, у которого восстанавливается праславянский корень *koud-, так что мы имеем чередование *keud-/*koud-, обусловленное еще праиндоевропейским чередованием *e–o*. Что же касается *чужого* (*teudj- > *tjudj-), то это вполне может быть заимствованием в праславянский язык самоназвания народа, с которым славяне с незапамятных времен контактировали и представителей которого считали, в отличие от себя, славян (**славяне** – обладающие даром **слова**), безъязыкими, **немыми**, ср. [theod]iscus (народная латынь VIII века в значении ‘относящийся к народу’) и средневерхнемецкое tiu[t]sch > совр. Deutsche). Во всяком случае, такое предположение (*чужой* – *немец*), в отличие от предыдущего (*чужой* – тот, кто творит *чудеса*), не противоречит закономерностям сравнительно-исторической фонетики славянских языков, а тем самым имеет больше прав на существование.

Возвращаясь к вопросу гуманитарной/естественно-научной ориентации автора настоящих строк, следует констатировать, что он всегда был скорее «естественником». Как уже отмечалось, гуманитарно-научный или естественно-научный тип лингвистического дискурса зависит от уникальности/неуникальности объекта исследования, а все когда-либо написанные автором настоящих строк квалификационные сочинения, начиная от первой курсовой работы и заканчивая обеими диссертациями (см. [Изотов 1991; 2007]), основывались на материале, поддающемся

статистической обработке. Показателен и случай, произошедший осенью 2008 года в Бакинском филиале МГУ во время встречи командированных туда для чтения лекций сотрудников филологического и механико-математического факультетов: когда возник вопрос, с какого факультета приехало людей больше, автор настоящих строк был подсчитан профессорами мехмата М.В. Зайцевым и К.А. Мирзоевым **в качестве представителя мехмата**³ (о чем он триумфально и провозгласил, выждав необходимую паузу).

А вот чисто гуманитарные дисциплины автору настоящих строк долгое время не давались. На первом курсе он получил с первого захода не только «неуд.» по «Введению в литературоведение» у суровой Е.Г. Рудневой, но и «незачет» по истории болгарской литературы у добрейшей З.И. Карцевой, и даже академик Н.И. Толстой с его двубальной системой оценок (если студент не знает ничего, то получает «четыре»), заметно колебался, подписывая «зачтено» по «Введению в славянскую филологию». Понадобилось двадцать лет (1988-2007) проверки вступительных сочинений на различных факультетах МГУ, а в промежутках – преподавания литературы на всевозможных подготовительных курсах, чтобы осознать необходимость для ответа даже на очень простые вопросы гуманитарного характера учета огромного количества данных (не **фактов**, как в случае с естественно-научными феноменами, а именно **данных** – часто недоказуемых и почти всегда противоречивых). Зато теперь автор настоящих строк знает, что простые ответы на вопросы типа «Глуп или умен Чацкий» бывают только в пособиях для школьников, на самом же деле и в литературе, и в жизни даже очень умный человек может сделать чудовищную глупость, продолжая при этом оставаться очень умным человеком, а почти святой – совершить то, что со стороны может быть воспринято как святотатство, не превращаясь автоматически в подлеца и негодяя.

Что же касается научной доказуемости/обоснованности делаемых выводов (как итоговых, так и промежуточных), то это необходимое качество и естественно-**научного**, и гуманитарно-**научного** дискурсов, поэтому автор настоящих строк вполне солидарен с С.В. по поводу необходимости вступительного экзамена по математике **для всех** вузовских специальностей, включая филологические. Сочинение + письменная математика + предмет, связанный с будущей специальностью – это безусловно лучше, чем обрушившийся на страну ЕГЭ.

³ Дело было не в гендерной характеристике (хотя среди делегатов филфака закономерно преобладали представительницы прекрасного пола, обе делегации были гендерно гетерогенными) и не в том, что автора настоящих строк приняли за незнакомого коллегу из Богом забытой лаборатории – в первый же день приезда все перезнакомились и с тех пор ежедневно общались в ожидании ведомственного автобуса, отвозившего из гостиницы в университет и обратно.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 37. – 100 с. ISBN 978-5-317-02897-8

Л и т е р а т у р а

- Изотов А.И.* Система полных причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1991.
- Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 486 с.
- Стефанский Е.Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008. – 316 с.
- Хокинг С.* Мир в ореховой скорлупке. – СПб.: Амфора, 2007. – 208 с.
- The Usborne History of Britain / R. Brocklehurst et al.* – London: Usborne Publishing House, 2008. – 512 p.
- Stephen Fry in America.* – London: Harper Collins Publishers, 2008. – 314 p.